
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы

ГОРИЗОНТЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

К 80-летию академика Г.Г.Гамзатова

НАУКА • СОБРАНИЕ
МОСКВА 2008

З.Д.Джапуа

Сюжетные контаминации в кавказской нартиаде:
(На абхазском материале) 288

М.Р.Халидова

Генезис и эволюция мифологических образов
в фольклоре народов Дагестана 296

М.М.Курбанов

Специфика отображения сасанидских походов V–VI веков
в древних преданиях табасаранцев. 307

А.Дж.Магомедов

Традиционное ювелирное искусство Дагестана
как феномен кавказской и российской культуры 315

Г.А.Султанова

Фольклор и профессиональное искусство Дагестана 321

М.Я.Якубов

Феномен Шостаковича 334

Когда язык больше чем язык

Ю.Л.Воротников

Об аналитических тенденциях в русском языке. 345

М.Н.Боголюбов

Компонент °bigpa- в древнеиранских личных именах 352

В.А.Виноградов

Язык и культура: взаимодействие и взаимопроникновение 355

А.М.Молдован

О задачах русистики 361

З.К.Тарланов

Общевосточный лексический фонд и северокавказское
концептуальное пространство: (Типологические заметки) 366

Б.Комри

Типология лексических заимствований. 379

Х.А.Амирханов

Группа «дин» и группа «ден»:

Некоторые диалектологические и археолингвистические
данные к этнической истории андийцев 383

СЮЖЕТНЫЕ КОНТАМИНАЦИИ В КАВКАЗСКОЙ НАРТИАДЕ

(На абхазском материале)

З.Д.Джапуа

Джапуа Зураб Джотович,

доктор филологических наук, профессор, заместитель директора
Абхазского научно-исследовательского института

Среди многочисленных научных проблем, разрабатываемых Гаджи Гамзатовичем Гамзатовым, – проблемы поэтики фольклора и литературы. Вопросам поэтики сюжетов, точнее – сюжетной контаминации в нартском эпосе – и посвящена настоящая статья, цель которой – выявление основных признаков контаминирования сюжетов и мотивов в абхазской версии нартского эпоса.

* * *

Установлено (или почти установлено), что в сюжетосложении кавказской Нартиады мы имеем две основные формы эпического повествования, два основных вида эпических сказаний: 1) разрозненные односюжетные, «элементарные сюжеты» (по Б.П.Кербелите) и 2) развернутые контаминированные. Изучая осетинскую версию нартского эпоса, В.И.Абаев заметил, что «на заре собирания нартских сказаний в прошлом веке казалось поначалу, что память народа хранит только разрозненные рассказы. Но по мере накопления материала все отчетливее стали проступать контуры монументальной многосюжетной, но цельной эпопеи с явственными чертами генеалогической циклизации»¹. Также «каждое адыгское сказание о нартах описывает обычно один момент из жизни героя, один эпизод его эпической «биографии»... — пишет А.И.Алиева. — Правда, встречаются случаи, когда в пределах одного текста герой выступает поочередно в нескольких эпизодах. В частности, некоторые современные сказители знают сказание о Сосруко, где излагаются один за другим все основные сюжеты, составляющие обычно цикл сказаний об этом герое»². Отсюда следует, что традиционная «творческая» контаминация в нартском эпосе предстает как одна из естественных форм существования эпического повествования во времени. В эпосе выделяются сказания, для которых «заимствование частей других сюжетов и контаминация являются единственным средством существования и сохранения в народной традиции»³. Встречаются и контаминации самостоятельно существующих сказаний, и каждое контаминированное сказание имеет свою собственную природу слияния. Одни сказители передают известные им нартские тексты как самостоятельные, а другие стараются соединить их в порядке логического соответствия. И эти «оба случая бытования эпоса в народе одинаково распространены»⁴.

Одни из самых талантливых абхазских сказителей Платон Дбар (1910 г. р.) и Лад Дзапцба (1913 г. р.), от которых мы записывали нартские тексты в июле 1987 года, замечательно продемонстрировали названные формы эпического (нартско-

го) повествования. Оба сказителя почти одинаково владеют содержанием нартского эпоса: они рассказали нам почти одни и те же тексты. Это объясняется тем, что, как нас уведомили сами сказители, они часто общаются, выяснилось (первый информант любезно сообщил о втором), что при таком соотношении между ними существует какое-то «творческое согласие».

Итак, территориальная близость, почти одинаковый возраст, частое общение, равное эпическое (нартское) знание, «творческое согласие» — это факторы, связывающие обоих сказителей. Однако у наших сказителей различается форма передачи сказаний. Первый информант не придерживается никакой эпической последовательности. После рассказанного им нартского сказания он может перейти на любой другой жанр (сказку, героическое сказание, предание, анекдот и т. д.). Вспомнив нартское сказание, начинает рассказывать его отдельно, не связывая с прежде рассказанным текстом. Второй же информант старается построить весь свой рассказ о нартских героях в логической последовательности. Он не вставляет между эпическими сюжетами ненартские тексты. Последовательно рассказывает все ему известные нартские сказания о том или ином герое (в виде цикла сказаний), только после этого переходит к другим фольклорным жанрам. По-видимому, такое различие в передаче эпических сказаний зависит не только от потенциальных возможностей памяти сказителя, но и от его настроения, от его физического и духовного состояния и, конечно, от особенностей, какие характеризовали исполнение эпоса «учителем» современного сказителя, т. е. от самой устной традиции эпосотворчества. В теории устной традиции известно, что фольклорный «текст может укорачиваться или удлиняться в зависимости от наклонностей исполнителя, обстоятельств исполнения, характера аудитории и т. д.»⁵.

В нартском эпосе абхазов можно обозначить две основные разновидности контаминирования сюжетов: контаминация как последовательное продолжение событийной линии и контаминация как «резюмирующий» рассказ группы нартских сюжетов, как усечение или амплификация текстов. Такое деление контаминированных текстов соответствует естественному характеру сказаний. Это проверялось нами при многократном прослушивании звуковых аудио- и видеозаписей. Для установления грани различий (а это весьма трудно) можно ориентироваться на то, что в первой разновидности все контаминируемые сюжеты, как правило, связываются с одним основным персонажем, а во второй — основной персонаж не постоянен во всех сливающихся сюжетах. Характерно, что персонаж не заменяется в первой разновидности, а во второй заменяется не только в контаминациях, но и в случае передачи контаминирующихся сюжетов в виде самостоятельных сказаний.

Приведем образцы обеих разновидностей контаминирования эпических сюжетов и мотивов.

Примеры первой разновидности:

1. «Чудесное рождение героя из камня» + «Добывание огня»⁶.

Данный текст и его варианты⁷ представляют наиболее устойчивую форму контаминации в нартской традиции. В первом сюжете встречаются мотивы и эпизоды, увязывающие повествование со вторым сюжетом, типа: «Видишь ли, нарты не признавали Сасрыкуа, говоря, что он «незаконнорожденный». После того как он их спас, только тогда его признали»⁸. Во всех вариантах последовательность сочетаемых сюжетов постоянна. При этом в одних текстах оба сюжета обладают равной художественной целостностью, а в других — первый предстает менее завершенным, чем второй. Он служит началом, как бы «экспозицией» эпических подвигов персонажа. Это зависит не только от самого характера событий, составляющих сюжет,

но и от повествовательной «ориентации» и памяти сказителя. Сказитель держит в памяти два сюжета (два события) об одном и том же персонаже. Рассказывая о «чудесном рождении героя из камня», он не упускает из виду и его подвиг — «добывание огня»: желая представить персонажа через события второго сюжета, информант старается ускорить развитие событий первого сюжета. С этой целью (чтобы новоявленного героя «отправить» на спасение своих братьев) сказитель иногда уже в начале рассказа попутно замечает, что братья-нарты уже тогда находились в походе⁹.

2. «Чудесное рождение героя из камня» + «Добывание огня» + «Гибель героя от камня» + «Освобождение водного источника» + «Гибель героя от камня»¹⁰.

Два сюжета — о «чудесном рождении героя из камня» и «добывании огня» — составляют устойчивую контаминацию. Причем контаминация продлевается сказанием об Аبرىскиле. В текст сюжета о «гибели героя от камня» включается сюжет об «освобождении водного источника», но это не разрушает цельности сказания. Характерно, что сливающиеся сюжеты выстраиваются логически: Сасрыкуа рождается и укрощает коня, братья-нарты не признают его; он отправляется за ними в поход и добывает огонь; после этого чувство зависти у братьев-нартов еще больше усугубляется, и начинается погоня; братья опускают его в преисподнюю, где он освобождает источник воды от агулшапа — дракона; тогда братья-нарты находят другой способ погубить его.

3. «Чудесное рождение героя из камня» + «Добывание огня» + «Встреча с великаном-пахарем» + сказочный эпизод + «Герой добывает царскую дочь» + «Гибель героя от камня»¹¹.

Для этой контаминации также характерна естественная взаимосвязь сочетающихся сюжетов. Очень интересно скрещиваются разные сюжеты и мотивы: кратко пересказывается сюжет о «чудесном рождении героя из камня»; более подробно описана сцена следования героя за своими братьями; он находит их в конском черепе, как в сюжете о «встрече с пахарем» (сказительница незаметно переходит к эпизоду другого сказания: сходство ситуации беспомощности братьев-нартов (в сюжете о «добывании огня») и группы всадников (в сюжете о «встрече с великаном-пахарем») подсказывает ей такую перестановку событий), герой спасает их и добывает им царскую дочь (сказочный эпизод); в последней части рассказывается о «гибели героя от камня». Отсюда и развернутая характеристика персонажа, мотивированная последовательной связью эпических событий. И в самом деле, если проследить за развитием действия от первой двусюжетной контаминации, то станет очевидным нарастающее усложнение «эпической биографии» персонажа.

4. «Чудесное рождение героя из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» + «Умыкание Гунды Прекрасной»¹².

Если в предыдущих случаях сюжет о «чудесном рождении героя из камня» постоянно контаминировался с сюжетом о «добывании огня», то здесь он сочетается со сказанием о «встрече с великаном-пахарем». Специфична интерпретация связи первых двух сюжетов: герой, желая отправиться за своими братьями в поход, узнает секрет своего рождения у матери (как это характерно для сюжета о «добывании огня»); но, получив весть о своем «отце», он отправляется не за нартами, а немедленно пускается на поиски «отца» (Нарджхьюу), т. е. пахаря. Примечательно, что во всем сказании действует «сам Нарджхьюу»: он «отец» Сасрыкуа; с ним же встречается Сасрыкуа; он же умыкает Гунду Прекрасную.

5. «Чудесное рождение героя из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» + «Добывание огня» + «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Освобождение водного источника» + «Поминки по герою»¹³.

Это повторная запись предыдущего сказания (с промежутком в 18 лет). Но по сравнению с первой записью она обогащена новыми сюжетами и мотивами. Здесь появляется упущенный в первой записи сюжет о «добывании огня» (после встречи с пахарем сказитель опять возвращает героя к моменту следования за своими братьями). Далее сюжет об «умыкании Гунды Прекрасной» описывается детальнее, чем в первой записи. Эпизодичен лишь последующий сюжет («освобождение водного источника»): во время умыкания Гунды Прекрасной Нарджхьоу опускает Сасрыкуа в большую яму, но дальше события не развиваются. Контаминацию сюжетов завершает сказание о «поминках по герою».

6. «Чудесное рождение героя из камня» + «Гибель героя от камня»¹⁴.

В данной контаминации информант (один из очень талантливых сказителей) связывает начало цикла сказаний о Сасрыкуа с его концом (рождение героя с его гибелью). Однако это не результат утраты памяти или забвения эпической традиции, а своеобразная реализация эпических знаний.

7. «Встреча с ацаном-карликом – рождение Цвицва» + «Овладение крепостью и спор нартов»¹⁵.

Это – самая частая в абхазском нартском эпосе контаминация сюжетов, которые могут включаться и в другие контаминированные сказания в таком сочетании, а часто – и отдельно. В них соблюдается естественная форма сочетания и последовательное течение повествования: от рождения богатыря Цвицва к его подвигам, как в сказаниях о Сасрыкуа.

Примеры второй разновидности:

8. «Добывание огня» + «Встреча с ацаном-карликом – рождение Цвицва» + «Овладение крепостью и спор нартов»¹⁶.

Любопытно, что сочетаются в одну контаминацию сюжеты, выделенные выше, как самые частые отдельно контаминированные сказания (1, 7). Но здесь отсутствует первый сюжет («чудесное рождение героя из камня»), и каждая часть сказания сохраняет свой собственный персонаж.

9. «Умыкание небесной красавицы» + «Умыкание Гунды Прекрасной»¹⁷.

Сочетание данных сюжетов сказитель обуславливает следующим моментом повествования: персонаж второго сюжета (Нарджхьоу), фигурирующий и в первом сюжете в качестве соперника Сасрыкуа, увидел Гунду Прекрасную на торжестве нартов по случаю женитьбы Сасрыкуа. Таким образом, сохраняется некая тематическая связь событий (оба сюжета повествуют о женитьбе), но сказитель никак не смешивает данные сказания, а тем более – персонажей.

10. «Овладение крепостью и спор нартов» + «Героическое сватовство»¹⁸.

Эта контаминация сюжетов строится как изложение отдельных событий в жизни нартов, а не как рассказ о подвиге одного персонажа. Существенна сама внутренняя связь частей первого сюжета. Повествование начинается как бы с конца. Сначала сказитель рассказывает о «споре нартов». Только потом вспоминает фабулу сказания и в форме отступления переходит к первой части сюжета («овладение крепостью»).

11. «Добывание огня» + «Освобождение водного источника»¹⁹.

Контаминация строится в форме перечисления сюжетов об одном персонаже. Утрачена эпическая манера повествования, вследствие чего стиль текста приближается к сказочной речи. Текст дается без учета всего событийного круга эпоса.

12. «Умыкание небесной красавицы» + «Героическое сватовство»²⁰.

Элементы двух сюжетных версий о «героическом сватовстве» сливаются воедино, в результате получается одно сказание, имеющее сильно выраженную сказочную

форму. Различные элементы так тесно сплетены, что трудно заметить грань их соприкосновения. Сказительница, зная разные версии темы о *«героическом сватовстве»*, их эпизоды «смешивает зараз, по забывчивости, по бессознательному подбору одной подробности к другой»²¹.

13. *«Встреча с ацаном-карликом – рождение Цвицва»* + *«Умыкание Гунды Прекрасной»*²².

Текст представляет собой значительно переосмысленный вариант двух сюжетных единиц эпоса. Собственно, это одно сказание (*«встреча с ацаном-карликом – рождение Цвицва»*), а фрагмент сюжета об *«умыкании Гунды Прекрасной»* (сцена прихода Нарджхьоу к нартам) появляется как средство показать превосходство Сасрыкуа над ацанами-карликами (приходит уже не Нарджхьоу, а Сасрыкуа, и не к нартам, а к ацанам-карликам). О значительной деформации текста свидетельствует и тот факт, что здесь владыка ацанов-карликов носит имя эпического богатыря Нарджхьоу, что абсолютно не характерно для других сказаний.

14. *«Чудесное рождение героя из камня»* + новеллистический сюжет *«Герой сватает дочь царя»* + *«Гибель героя»* по типу сказания об Абрыскиле²³.

Довольно сбивчивый и стяженный текст составляют три неудачно сконтаминированных сюжета. Его «составные части спаяны случайно, по внешнему поводу»²⁴. Иножанровые проникновения не мотивированы. Прикрепление всех трех сюжетов к имени одного эпического персонажа не освобождает текст от сбивчивости повествования. Новелла, входящая в данный текст, весьма популярна в абхазской фольклорной традиции обычно под названием *«Еснат и Синат»*. Но она не проникает в нартские сказания на основе тематической близости, а только содержит в себе эпическое имя, т. е. здесь имя эпического героя включается в новеллистический сюжет. Подобным же образом и в последнем сюжете имя эпического героя (Сасрыкуа) включается в сказание об Абрыскиле.

По всему видно, что нартские сказания первой разновидности (они составляют основной массив контаминированных текстов) формируются «по принципу наибольшего выделения главного героя»²⁵. И, действительно, этим определяется точка соприкосновения сливающихся сюжетов. Основной персонаж – регулятор контаминации сюжетов. В контаминированном тексте повествователь представляет нам эпическую биографию основного персонажа, а не разные сказания о нем. Основная цель сказителя – воссоздать эпическую характеристику персонажа – центрального героя сказаний и всего эпоса. Следовательно, в абхазских нартских сказаниях подавляющее большинство творчески объединяемых сюжетов связано с основным образом эпоса – Сасрыкуа. Примечательно, что эти наши наблюдения характерны и для других эпических традиций. В частности, по мнению А.М.Астаховой, в русских былинах назначение контаминации, основанной на единстве героя в объединяемых сюжетах, чаще всего связано с работой над образом, а не над сюжетом. Внутренним побуждением сказителя, создающего такую контаминацию, было желание усилить центральный образ, сделать его более полным. Поэтому огромное большинство контаминаций падает на циклы об Илье Муромце и Добрыне Никитиче как наиболее популярные и разработанные²⁶.

Соединяя вместе сказания о различных подвигах одного и того же героя, сказители сохраняют последовательность (непрерывность) эпических событий, «ибо память хорошо фиксирует последовательные события»²⁷. Не очень существенные перестановки сюжетов, мотивов и отдельных эпизодов, которые могут иметь место, пока еще не нарушают композиционного строя эпической фабулы. Что касается степени художественной целостности и совершенности сочетающихся

сюжетов, то она определяется рядом признаков. Это связано с *повествовательной «ориентацией» и памятью сказителя*, а также с самим *характером эпических событий*.

Во второй разновидности контаминирования сюжетов эпическая «биография» персонажа прерывается включением в нее другого сюжета с иным главным персонажем, или же соединяются тематически близкие либо разнородные сюжеты с разными персонажами. Но и этот вид сцепления также мотивируется различными повествовательными ассоциациями.

В приведенных выше примерах выделяются две контаминированные пары (1,7), как самые традиционные и постоянные. Даже те исполнители, которые склонны излагать нартские сказания отдельно, часто их соединяют. Тексты могут постепенно разворачиваться за счет включения в них других эпических сюжетов и мотивов. Такие «сводные» сказания показательны в плане глубинности и устойчивости эпической контаминации. Они позволяют предполагать, что контаминация в данном случае является традиционно устойчивым и сложным типом бытования повествований. В этом смысле к нартскому эпосу вполне применимо замечание А.Н.Веселовского о складывании сводных сказок, что такой «свод совершался очень естественно, и, может быть, в довольно раннюю пору»²⁸.

Кроме того, в контаминациях также проявляется роль творческих привнесений отдельных сказителей. Много контаминаций образуется в результате сугубо личного сказительского почина. Об устойчивости применительно к ним можно говорить лишь в индивидуальном плане. Однако «творческая» контаминация — это не простое сочетание сюжетов, а особый творческий акт. Сказитель творчески сочетает «известные сюжеты, создавая как бы новое произведение на основе традиционного знакомого материала»²⁹. Удачные соединения сюжетов — бесспорный показатель мастерства повествователя. Конечно, мера сказительской интерпретации и новации зависит и от знания эпической традиции. Лишь широкое владение традиционным эпическим материалом дает возможность повествователю творчески объединять различные сюжеты в одно сказание. Выяснилось, что в абхазской эпической традиции в одно цельное произведение контаминируются основные, «стержневые» сказания, а не «побочные» эпические тексты.

На другом уровне контаминации мы видим механическое (неудачное) соединение эпических сюжетов и мотивов. В одних текстах налицо «упрощение, усечение традиционного повествовательного контекста, в котором “план содержания” преобладает над “планом выражения”»³⁰. Передается лишь «план содержания», эпический же лексикон текста заменяется неэпическим. Можно говорить о сохранности только остова повествования (к этому сводится «эпичность» текста, словесный же материал удерживается фрагментарно). В этой связи уместно вспомнить наблюдения М.В.Карнауховой над жизнью сказки, которые вполне применимы и к жизни некоторых текстов нартского эпоса. Говоря о сказочниках, автор выделяет группу «разрушителей, которые, даже зная сюжет, всегда стараются скорее довести дело до развязки, и в целях ускорения жертвуют поэтическим языком сказки, принципом троичности и деталями»³¹. В других случаях происходит малоестественное усложнение, «амплификация эпических сказаний, т. е. их разрастание, увеличение за счет иножанровых включений»³², также нетрадиционной, заметно переиначенной контаминации собственно эпических сюжетов. «Этот процесс, — по определению С.К.Шамбинаго, — постоянно является результатом стремления пополнить утраченное памятью и объяснить малопонятное»³³.

Сейчас нам трудно непосредственно ощутить степень и меру «разрушения» во времени, понять, изначально ли такая форма усечения и амплификации эпи-

ческого текста в репертуаре того или иного информанта или она приобретается в процессе бытования и многократной передачи. Но из текстологического анализа разновременных записей сказаний возникает предположение, что «разрушенные» тексты — результат не длительной традиции бытования и передачи (т.е. варьирование эпического текста во времени пока не разрушает художественную целостность сказания), а следствие слабой эпической осведомленности сказителя (то или иное сказание повествователь передает в зависимости от возможностей своей памяти и творческих способностей).

Проведенный анализ подводит нас к выводу о том, что в сюжетосложении абхазского нартского эпоса следование течению содержательной линии является основным творческим условием слияния эпических сюжетов и мотивов в *контаминированных текстах* (а возможное тематическое созвучие подчиняется этому условию). Характерно, что контаминированию подвергается основной ряд сюжетно-повествовательных звеньев эпоса, а не периферийные сказания. Это означает, что контаминации не следует целиком относить к поздним явлениям, они могут иметь длительную историю. Наш материал подтверждает мысль о том, что «контаминированность — давняя традиционная особенность бытия некоторых сюжетов», что «говорить о ней как об индивидуальном акте следует осторожнее»³⁴.

По специфике соотношения сливающихся сюжетов в абхазской нартской традиции выделяются две основные разновидности эпического контаминирования: *контаминация как последовательное продолжение событийной линии и контаминация как «резюмирующий» рассказ группы нартских сюжетов, как усечение или амплификация текстов*. Иными словами, в абхазском эпосе предстают контаминации более традиционные и менее традиционные (индивидуальные). Среди последних есть относительно удачные, устойчивые в репертуаре отдельных сказителей. Неудачные же дают «разрушенные» — усеченные и амплифицированные — тексты. Конкретный текстологический анализ подобных абхазских текстов подводит нас к мысли о том, что упрощение (фрагментарность и скудость передачи) или разветвление эпических сказаний в известной мере — явление личностного (а не жанрового) характера. Утрата эпических качеств, альтернативных ходов и их переосмысление, а также неестественные подключения наблюдаются лишь в индивидуальных репертуарах. Иными словами, если «творческое» контаминирование — результат широкого «эпического знания», основывающегося на принципе последовательной передачи событийной линии, то редуцирование и амплифицирование являются следствием малой эпической осведомленности исполнителей и строятся на случайном сходстве контекстуальных ситуаций и внешних очертаний сливающихся мотивов и сюжетов.

¹ Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982. С. 13.

² Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик, 1969. С. 114–115.

³ Ведерникова Н.М. Контаминация в русских народных волшебных сказках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 76.

⁴ Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970. С. 21.

⁵ Чистов К.В. Современные проблемы текстологии русского фольклора: Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963. С. 12.

⁶ Ранние записи абхазского фольклора. (Из рукописей А.Н.Генко) / Сост., предисл. и коммент З.Д.Джапуа. Сухум, 2001. С. 39–41.

⁷ См.: Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум, 1995. С. 125. № 34.

⁸ Книга записей лаборатории абхазского фольклора при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа АН Абхазии. Текст № 165.

⁹ Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. С. 174–176.

¹⁰ Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абырскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). Сухум, 2003. С. 300–320.

¹¹ Книга записей лаборатории абхазского фольклора... Текст № 537.

¹² Абхазский фольклор / Зап., подгот. к печати, предисл. и примеч. д. филол. н., академика АНА Ш.Х.Салакая. Сухум, 2003. С. 24–27.

¹³ Книга записей лаборатории абхазского фольклора... Текст № 541.

¹⁴ Там же. Текст № 540.

¹⁵ Абхазский фольклор... С. 76–81.

¹⁶ Сказания о нартах / Пуб. А.Ачбы // Алашара. 1987. № 3. С. 103–107. На абх. яз.

¹⁷ Книга записей лаборатории абхазского фольклора... Текст № 167.

¹⁸ Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов... С. 132. № 60.

¹⁹ Там же. С. 134. № 65.

²⁰ Там же. С. 134–135. № 68.

²¹ Веселовский А.Н. Статьи о сказке // Веселовский А.Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.; Л., 1938. С. 110.

²² Ранние записи абхазского фольклора. (Из рукописей А.Н.Генко)... С. 57–58.

²³ Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов... С. 138. № 77.

²⁴ Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 115.

²⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 230.

²⁶ Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 98.

²⁷ Плисецкий М.М. Роль памяти в фольклорном процессе // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 58.

²⁸ Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 110.

²⁹ Ведерникова Н.М. Указ. соч. С. 72.

³⁰ Далгат У.Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдиционной работе // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 49.

³¹ Карнаухова И.В. Сказочник и сказка в Заонежье // Искусство Севера. Вып. 1. Л., 1927. С. 107.

³² Далгат У.Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдиционной работе // Фольклор: Издание эпоса. С. 50.

³³ Шамбинаго С.К. Песни-памфлеты XVI века. М., 1913. С. 18.

³⁴ Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989. С. 240.